

Священник Павел Лизгунов

О БЛАЖЕНСТВЕ НИЩИХ ДУХОМ И КРОТКИХ. СОЗДАВАЛ ЛИ ЕВАНГЕЛИСТ МАТФЕЙ НОВУЮ ЗАПОВЕДЬ?

В статье анализируются предположения ряда западных исследователей (в частности, автора статьи «Французского словаря духовности») о том, что первая и третья заповеди блаженств (блаженства нищих духом и кротких) изначально представляли собой одну заповедь, а также о том, что евангелист Матфей добавил слово «духом» к первой заповеди блаженства от себя. Цель исследования — выяснить доказательность этих гипотез. Основной метод — контекстуальный анализ. Автор приходит к выводу, что первая гипотеза сомнительна, вторая — допустима, но не обязательна к принятию.

Ключевые слова: нищие духом, кроткие, смиренные, смирение, кротость, нищета духа, заповеди блаженства, Нагорная проповедь, христианское нравственное учение, Священное Писание.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5:3). Этими словами начинается Нагорная проповедь, в которой Спаситель впервые систематически излагает евангельское нравственное учение, поразившее и завоевавшее своей глубиной и силой, а также своей новизной весь окружающий языческий мир. Этими же словами Евангелие вводит в обиход эллинистического мира совершенно тому не знакомое духовное понятие — понятие смирения¹. Античный мир, ведавший такие нравственные добродетели, близкие к христианству, как милосердие, кротость, мужество, терпение, благоразумие, — воспринимал их

Священник Павел Лизгунов — магистр богословия, аспирант Московской духовной академии (кафедра богословия), проректор по учебной работе Курской духовной семинарии (lizgunov@gmail.com).

¹ О неведении античным миром добродетели смирения написано много. Это достаточно общее святоотеческое мнение. Из исследовательской литературы на эту тему см., напр.: *Cathrein H.* Haben die heidnischen Pilosophen die Demut gekannt // *Zeitschrift für aszese und mystic*, 1. Innsbruck; Wien; München: Verlagsanstalt tyrolia A. G., 1925/26. P. 283–288; *Gauthier R.-A.* Magnanimité. L'idéal de la grandeur dans la philosophie païenne et dans la théologie chrétienne. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1951. P. 405. См. также нашу статью: *Лизгунов П., свящ.* Понятие смирения в античности // *Материалы VI международной студенческой научно-богословской конференции*. СПб.: Издательство СПбДА, 2014. С. 12–20.

как один из путей к человеческому величию, но никак не к его «малости», «смирению», которое практически всегда характеризует у языческих мыслителей низменные состояния души². Также античный мир едва ли когда-либо понимал как добродетель *нищету*, тем более непонятную *нищету духа*. Обращенный в христианство воспитанник философов должен был воспринимать первую заповедь блаженств как некий парадокс, который необходимо осмыслить.

Между тем в среде, где эти слова были сказаны, в народе иудейском, заповедь отнюдь не выглядела так парадоксально. Понятие духовной нищеты имеет в Ветхом Завете долгую историю. Как известно, слово «нищий», *ani* (אֲנִי), имеет в ветхозаветной традиции целый спектр значений. Происходящее от глагола *ana* (אָנָה), «наклонять, угнетать, усмирять», это прилагательное обозначает собой, во-первых, всех угнетенных, притесненных, всех буквально нищих, принадлежащих к низким слоям населения³. В Ветхом Завете, особенно в Псалтири и у пророков, много говорится о Боге как Защитнике этих несчастных, порицаются богатые, притесняющие их. На греческий язык Септуагинта передавала этот смысл слова понятиями *λένης* («бедный»), *πτωχός* («нищий»), *ἀσθενής* («слабый»), *ταπεινός* («ничтожный», «маленький»).

Однако этим значением содержание понятия не ограничивается. Также понятие *нищий* подразумевает собой духовно нищего, нищего Богом, — то есть того, кто ощущает нужду в Боге — и тем особенно угоден Ему. «А вот на кого Я призрю: на смиренного (*ani*) и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим» (Ис 66:2). Это значение на греческий передавалось в большинстве случаев словом *πραΐς* («кроткий»), иногда — *ταπεινός* («малый», «смиранный»).

Кроме *ani* есть также однокоренное с ним слово *anaw* (אָנָו), чрезвычайно близкое к нему по значению. Оно также обозначает и нищих, и угнетенных, и смиренно-кротких⁴. Разница между словами в том, что первое чаще обозначает социальное положение нищих и угнетенных, а второе — нравственное состояние духовной нищеты, смирения и кротости. Последнее слово, а также однокоренное с ним существительное *anawa*, употребляется, кроме материально и духовно нищих, применительно к пророкам (Числ 12:3), царю (Пс 45:4) и даже к Богу (Пс 18:35).

² Подробнее об этом см. Лизгунов П., *свящ.* Понятие смирения в античности... С. 12–20.

³ Harris R.L., Archer G.L., Waltke Jr. & B.K. Theological Wordbook of the Old Testament (electronic ed.). Chicago: Moody Press, 1999. P. 684.

⁴ Ibid. P. 682.

Некоторые исследователи делают вывод о постепенном развитии в библейском языке и нравственном учении понятия нищеты материальной до понятия духовной нищеты. Это развитие, по мнению некоторых, отразилось и на терминологии: нравственный компонент, сформировавшись, потребовал собственного термина, которым и стал *anaw*, на одну букву отличный от *ani*⁵.

Впрочем, не все разделяют мнение о существенном различии этих терминов. Во-первых, во всем Ветхом Завете за двумя терминами сохраняются оба упомянутых значения. У пророка Исаяи, например, они употребляются совершенно синонимично и взаимозаменяемо. Во-вторых, зачастую рукопись вообще не позволяет с точностью определить, какое именно слово написано: из-за сходства написания сложно понять, *aw* или *iod* стоит в тексте, — соответственно, текст приводят в разных редакциях. Предполагают, что даже само наличие двух терминов может быть обусловлено известной проблемой чередования букв *iod* и *wab*⁶.

Что же касается развития понятия от секулярного до духовного, то эта концепция также неочевидна, так как практически весь спектр значений можно встретить как в ранних, так и в поздних книгах. Уже в Книге Чисел словом *anaw* характеризуется пророк Моисей, бывший «кротчайшим из всех людей» (Числ 12:3). Вполне можно допустить, что слово изначально содержало в себе разнообразие значений.

Как бы то ни было, ко времени Спасителя слова *ani*, *anaw* и образованные от них существительные *anawa* («смирение»), *oni* («бедствие»/«смирение») и подобные обладали огромной смысловой глубиной.

Евангелие доступно нам на греческом языке. Спаситель, как известно, говорил на арамейском языке. С изрядной долей уверенности предполагают, что, говоря о первом блаженстве «нищих духом» (гр. οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι), Спаситель использовал арамейское слово *anwânâ*, аналогичное древнееврейскому *anaw*, или, возможно, *anyâ*, соответствующее *ani*⁷. Соответственно, высказывание не было для слушателей парадоксальным, но отсылало их к знакомому духовному понятию ветхозаветной нравственности.

Многие исследователи предполагают, что слово «духом» в этой заповеди добавлено самим евангелистом (или его переводчиком на греческий) для того, чтобы не-иудеям был понятен смысл заповеди — то,

⁵ Gauthier R.-A. Magnanimité... P. 377.

⁶ Harris R. L. et al. Theological Wordbook... P. 682.

⁷ Gauthier R.-A. Magnanimité... P. 400.

что Спаситель говорит не о материальной нищете, а в первую очередь о нравственном качестве смирения⁸. В отличие от ап. Матфея, евангелист Лука не «переводит» заповедь, говоря о блаженстве просто «нищих» (Лк 6:20)⁹, хотя в основе лежит одно и то же еврейское слово, сказанное Спасителем.

Более серьезный вопрос вызывает третья заповедь блаженств: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Греческим словом πραῖς («кроткий»), переводилось то же самое слово *ani* или *anaw* — в тех случаях, когда оно имело явно нравственное значение. Кроме того, заповедь отсылает к фактически тождественному стиху Псалтири: «кроткие (οἱ πραῖς) наследуют землю и наслаются множеством мира» (Пс 36:11), где используется еврейское слово *anaw*, которое Септуагинта передает словом πραῖς («кроткие»).

Не совсем понятно, почему Спаситель повторяет одно и то же слово, причем с перерывом в виде заповеди о блаженстве плачущих, а также почему евангелист передает их разными словами¹⁰.

Исследователи пытаются решать этот вопрос разными путями. В частности, в известном «Французском словаре духовности» приводится мнение о том, что первая заповедь блаженств о нищих духом и вторая заповедь о блаженстве кротких в первоначальном тексте представляли собой единую заповедь, в которой говорилось о блаженстве «нищих-кротких», *anaw* (или *ani*), к которой для ясности евангелист добавляет пояснение «духом».

Но так как добродетель смирения, как и любви, двусоставна, евангелист не удерживается от того, чтобы добавить еще одну заповедь — о блаженстве кротких, употребляя другое слово, которым также часто переводился еврейский оригинал. Посредством этого он передает иную сторону смирения — смирение перед людьми, перед ближними, которое имеет форму кротости¹¹.

⁸ Adnès P. Humilité / Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique: doctrine et histoire. Paris: Beauchesne, 1969. Т. VII. P. 1147; Gauthier R.-A. Magnanimité... P. 400.

⁹ Русский славянский и Синодальный тексты приводят «нищие духом» и у ап. Луки, однако в греческом оригинале стоит просто «нищие».

¹⁰ О смысловом родстве первой и третьей заповедей блаженств упоминает и С. М. Зарин, однако причин их различия в тексте он не касается, замечая лишь: «первое более оттеняет положение человека, а второе — его поведение — его поведение как следствие этого положения» (Зарин С. М. Заповеди блаженства. Петроград, 1915. С. 41).

¹¹ Adnès P. Humilité... P. 1147.

Эта довольно красивая концепция сразу порождает несколько недоумений, первое из которых: почему в данном случае меняется традиционный порядок заповедей блаженств и третье блаженство становится вторым? В тексте это никак не объясняется, в то время как практически все авторитетные издания французского или греческого текстов Евангелия приводят традиционный порядок заповедей. При изучении источников выясняется, что в данном вопросе «Словарь» ориентируется на книгу R.-A. Gauthier «Magnanimité: L'idéal de la grandeur dans la philosophie païenne et dans la théologie chrétienne». Готье также никак не поясняет причину перемены мест блаженств, однако по аппарату ссылок можно понять, что ориентируется он на комментарий к Евангелию Лагранжа¹².

Только у Лагранжа можно понять причину этой замены. Оказывается, именно таков порядок заповедей блаженств в Вульгате. При этом Лагранж делает замечание, что такой порядок кажется ему вполне убедительным: во-первых, из-за того, что ему следуют некоторые тексты Татиана, Климента Александрийского и Григория Нисского, а также ряд рукописей, во-вторых, потому что он соответствует логике повествования и чрезвычайно близок по смыслу к первой заповеди блаженств¹³.

Конечно, неудивительно, что католические авторы ссылаются на Вульгату. Но все же удивляет, что такое авторитетное издание, как «Французский словарь духовности», имея в своем распоряжении все новейшие достижения библейской науки, не удосуживается даже упомянуть, почему в качестве основного избран текст, существенно отличный от подавляющего большинства имеющихся рукописей¹⁴. Представляется, что больше всего перечисленных авторов убеждает логика собственных рассуждений, в которую хорошо укладывается порядок Вульгаты и которую очень сильно колеблет иной порядок расположения блаженств¹⁵.

Есть и другие основания сомневаться в точности этой концепции во всей ее полноте.

¹² Gauthier R.-A. Magnanimité... P. 397.

¹³ Lagrange M.-J. *Evangile selon saint Matthieu* (3-eme édition). Paris: Lecoffre, J. Gabalda et fils, 1927. P. 82–83.

¹⁴ Порядок Вульгаты содержат также рукописи D, 33 и переводы *syc*, *boms* (Hagner D. A. Vol. 33A: *Word Biblical Commentary: Matthew 1–13*. Word Biblical Commentary. Dallas: Word, Incorporated, 2002. P. 88).

¹⁵ Приведенной концепции в той или иной степени придерживается немалое количество иных авторов, помимо цитированных: например, E. Bammel (*Theological Dictionary of the New Testament*. 10 vols. Grand Rapids: Eerdmans, 1964–76. Vol. 6. P. 904).

Приведенное рассуждение о самовольном «раздваивании» заповеди оставляет впечатление излишней дерзости евангелиста, который слова своего Учителя и Бога смело дополняет собственными трактовками и самовольно выбранными и самовольно «обрубленными» цитатами из Писания. Конечно, отличия текста у разных евангелистов (количество заповедей блаженства, порядок искушений Христа в пустыне, различные слова-добавки и др.) позволяют предположить, что апостол Матфей осуществлял определенную редактуру слов Спасителя. Вполне допустима, скажем, известная версия о том, что в некоторых местах он сводит воедино различные высказывания Господа, систематически излагая Его учение о тех или иных предметах (Нагорная проповедь, притчи о Царстве Небесном). Относительно заповедей блаженств современные западные библеисты предполагают, что четыре заповеди апостол Матфей, как и евангелист Лука, взял из источника Q, «спиритуализировав» их, а остальные — добавил из других источников¹⁶. Но все же, как представляется, есть существенное различие между группированием высказываний — и их значительным внутренним изменением.

Неувязки приведенной концепции усиливаются при любой попытке понять, как именно в таком случае должно было звучать изначальное высказывание Спасителя.

Предположим, заповедь о блаженстве кротких следует непосредственно за заповедью о блаженстве нищих духом. Но ведь у этих заповедей есть продолжение: нищих духом есть Царство Небесное, а кроткие наследуют землю. Очевиден параллелизм этих фраз, но все же они сказаны отдельно. Если предположить верность концепции Лагранжа, то остается совершенно неясным, как звучала первоначальная фраза Спасителя. Это могло бы быть «Блаженны нищие (духом), ибо они наследуют Царство Небесное и земное». Но в этом случае непонятно, зачем разделять фразу на две, почему не перевести: «Блаженны нищие духом и кроткие, ибо они наследуют Царство Небесное и землю». На каком основании евангелист мог сделать вывод, какое из двух обетований какой из двух сторон добродетели точнее соответствует? Может быть, наоборот, смиренный пред Богом наследует землю, а кроткий — небо? Затем, слова «кроткие наследуют землю» явно отсылают нас к Псалтири, в случае же «синтетической» фразы эта параллель оказывается скрытой.

¹⁶ Браун Р. Введение в Новый Завет. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. Т. 1. С. 212–213.

Можно предположить, что какого-то из обетований не было вовсе и заповедь звучала, например, так: «Блаженны нищие, ибо их есть Царство Небесное» — и все. «Кротких» евангелист добавляет, чтобы подчеркнуть «человеческую» сторону смирения, а обетование им находит в Псалтири. Но тогда остается не совсем ясным, на каком основании евангелист обрезает часть стиха Псалтири: «и наслаются множеством мира»; да и в целом добавка, явно значительно отличная по смыслу от заповеди Спасителя в обеих своих частях и вложенная в Его уста — это излишняя смелость.

Наконец, если снова вспомнить, что для подтверждения этой довольно шаткой конструкции нам надо отвергнуть подавляющее большинство греческих рукописей в пользу латинской Вульгаты, то предположение кажется совершенно неосновательным. Приходится согласиться с мнением Мецгера, согласно которому более вероятно, что первоначально заповеди были разделены, и лишь не ранее II века кто-то свел их вместе ради большего сближения блаженств смиренных и кротких¹⁷.

Что касается добавления слова «духом» к первому блаженству, то оно кажется гораздо более вероятным. Излишней дерзости пересказчика тут нет — просто попытка дать смысловой, а не буквальный перевод слов Христа. В пользу этого говорит отсутствие этого слова у апостола Луки (Лк 6:20), а также то, что у ап. Луки заповедь приводится в противоположность порицанию «Горе вам, богатые» (Лк 6:24), что уменьшает возможность добавки «духом» к блаженству. В другом месте, говорящем о ветхозаветных «нищих», апп. Матфей и Лука согласно приводят слово без пояснения (Мф 11:55 и Лк 7:22).

Кроме того, слова, очень похожие на поясняющие вставки, встречаются у ап. Матфея и в других местах: например, «алчущие правды» (Мф 5:6) вместо «алчущих» (Лк 6:21). «Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф 13:12). У других евангелистов нет слов «и приумножится» (Мр 4:25, Лк 8:18). Совершенно аналогичной добавкой может быть (или не быть) и «...ибо Я кроток и смирен *сердцем*» (Мф 11:29).

С другой стороны, не следует забывать, что уже в кумранском «Свитке войны» встречается (на еврейском языке) буквально та же конструкция

¹⁷ Metzger B. M. A Textual Commentary on the Greek New Testament. Second Edition a Companion Volume to the United Bible Societies' Greek New Testament (4th rev. ed.). London; New York: United Bible Societies, 1994. P. 10.

«нищие духом» (*anawim ruah*), отсутствующая в Ветхом Завете¹⁸. Несмотря на то, что члены кумранской общины были знакомы с Ветхим Заветом и со всей глубиной смысла слова «нищие», они сочли возможным и необходимым уточнить, что именно о духовной нищете идет речь в данном случае. Предполагают, что евангелист мог в качестве пояснения использовать конструкцию из этого текста¹⁹. Однако нельзя исключать и того, что ко времени Христа ветхозаветный термин «нищие» нуждался в пояснениях для части общества эпохи эллинизма — или что такие пояснения были допустимы в качестве уточняющих, проясняющих нужный оттенок смысла и т.п. Поэтому неочевидно, почему точно такую же конструкцию не мог использовать в Своей проповеди Сам Господь.

Возвращаясь к вопросу о разнице первой и третьей заповеди блаженств, можно сделать такие предположения:

В обоих случаях используется одно и то же слово *ani*, «нищие». Тогда в первом случае евангелист мог использовать для перевода наиболее близкое по значению греческое слово «нищие» с добавкой «духом» для уточнения духовного смысла. Во втором случае — он использовал слово «кроткие» именно потому, что вторая часть блаженства — цитата псалма, и в Септуагинте это слово переведено словом «кроткие».

Тогда смысл повторения можно понять как некую духовную поэзию, в которой разными (и повторяющимися) словами выражаются по сути очень близкие понятия: блаженны нищие, блаженны плачущие, блаженны нищие, блаженны алчущие... блаженны изгнанные — и т.д.

В одном случае используется слово *ani* («нищий»/«смиранный»), в другом *anaw* («смиранный»/«нищий»). Исходя из их базовых значений, скорее, в первом *ani*, во втором — *anaw*. Их совместным использованием и сходством обетований подчеркивается и близость этих понятий, и смысловые оттенки каждого из них. В этом случае поэтический смысл сохраняется, но к повторению добавляются дополнительные оттенки. Блаженны нищие и кроткие, блаженные плачущие, блаженны кроткие и нищие, блаженны алчущие...

В первом случае Господь говорит именно «нищие духом» (*anawim* или *aniyim ruah*), во втором — просто «нищие» (*aniyim* или *anawim*),

¹⁸ Hagner D. A. Matthew 1–13. Word Biblical Commentary. Vol. 33A. Dallas: Word, Incorporated, 2002. P. 92.

¹⁹ Davies W. D., Allison D. C. A Critical and Exegetical Commentary on the Gospel According to Saint Matthew. London; New York: T&T Clark International, 2004. P. 442.

которое евангелист передает в соответствии с традиционным переводом псалма — «кроткие». Такой случай, принципиально не отменяя вышесказанных предположений поэтической нагрузки, наиболее близок к традиционным святоотеческим толкованиям проповеди. В первой заповеди Господь, используя традиционное еврейское слово *ani*, имевшее глубокую смысловую нагрузку еще в Ветхом Завете, вводит в учение о нравственных качествах, убажваемых Богом, начиная с самого первого качества — но делает поправку, что говорит именно о духовной нищете: поправку, допустимую языком и психологией слушателей, пусть не необходимую, но понятную им (иначе бы кумранские тексты не использовали аналогичную), — и необходимую для лучшего понимания проповеди последующими слушателями и читателями, к которым также обращается Господь. Затем Господь в ряде заповедей раскрывает разные проявления и последствия этой духовной нищеты: это угнетенные и плачущие, это кроткие сердцем, это милостивые и правдоискатели... это изгнанные за Господа. В третьей заповеди Господь употребляет то же самое слово *ani* или родственное с ним *anaw* уже без уточнения, что речь идет о духовной нищете. Во-первых, это уточнение уже сделано в начале проповеди. Во-вторых, здесь буквально повторяется знакомый слушателям текст псалма, в котором такого уточнения нет. В-третьих, вероятно, здесь присутствует немного больший, чем в первой заповеди, акцент на буквально (материально) нищих, которым, в противоположность их нищете, в качестве антитезы, обещается унаследовать всю землю.

Последняя версия (в отличие, например, от версии Лагранжа), совершенно не оставляет необходимости перемены мест заповедей в соответствии с Вульгатой. Еще одним ее достоинством представляется отсутствие необходимости подозревать евангелиста в излишней смелости при цитации своего Божественного Учителя. Кажется, апостолу Воплощенного Бога должно быть более свойственно стараться предельно точно передать Его слова, чем пытаться вольно передать их смысл, не зная, в какой полноте им этот смысл понят.

Таким образом, представляется достаточно ясным: тот факт, что евангельское понятие «нищие духом» опирается на разработанный в Ветхом Завете концепт, не влечет за собой необходимости менять местами первую и третью заповеди блаженств для лучшего уяснения их смысла.

Что же касается слова «духом», предположительно добавленного евангелистом к первой заповеди, — то эта добавка кажется возможной и не искажающей, но проясняющей смысл заповеди. Однако

необходимости соглашаться с этим предположением нет, так как и традиционный текст — такой, как он до нас дошел, — вполне мог быть сказан Самим Спасителем.

Если нет необходимости сомневаться в точности традиционного текста ни исходя из грамматико-исторических соображений, ни из соображений герменевтики, то держаться мнения, что евангелист перевел на греческий язык ровно то, что было сказано Спасителем на арамейском, ни словом больше, — хоть и не обязательно, но вполне допустимо.

Источники и литература

1. *Adnès P.* Humilité / Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique: doctrine et histoire. Paris.: Beauchesne, 1969. Т. VII.
2. *Cathrein H.* Haben die heidnischen Pilosophen die Demut gekannt. // Zeitschrift für ascese und mystic, 1. Innsbruck; Wien; München: Verlagsanstalt tyrolia A. G., 1925/26. P. 283–288.
3. *Davies W. D., & Allison D. C.* A Critical and Exegetical Commentary on the Gospel According to Saint Matthew. London; New York: T&T Clark International, 2004.
4. Theological Dictionary of the New Testament / G. Kittel and G. Friedrich, eds., tr. G. W. Bromiley. 10 vols. Grand Rapids: Eerdmans, 1964–76. Vol. 6.
5. *Gauthier R.-A.* Magnanimité: L’ideal de la grandeur dans la philosophie paienne et dans la théologie chretienne. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1951.
6. *Hagner D. A.* Matthew 1–13 / Word Biblical Commentary. Vol. 33A. Dallas: Word, Incorporated, 2002.
7. *Harris R. L., Archer G. L., Waltke Jr. & B. K.* Theological Wordbook of the Old Testament (electronic ed.). Chicago: Moody Press, 1999.
8. *Lagrangé M.-J.* Evangile selon saint Matthieu (3eme édition). Paris: Lecoffre, J. Gabalda et fils, 1927.
9. *Metzger B. M.* A Textual Commentary on the Greek New Testament. Second Edition a Companion Volume to the United Bible Societies’ Greek New Testament (4th rev. ed.). London; New York: United Bible Societies, 1994.
10. *Браун Р.* Введение в Новый Завет. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. Т. 1.
11. *Зарин С. М.* Заповеди блаженства. Петроград, 1915.
12. *Лизгунов П., свящ.* Понятие смирения в античности // Материалы VI международной студенческой научно-богословской конференции. СПб.: Издательство СПбДА, 2014. С. 12–20.

Priest Pavel Lizgunov. Concerning the Blessedness of the Poor in Spirit and the Meek: did the Evangelist Matthew Create a New Commandment?

In this article, the author analyzes the idea of several Western scholars (including the author of the French Dictionnaire de spiritualité) that the first and third Beatitudes (concerning the poor in spirit and the meek) initially constituted one commandment and that the Evangelist Matthew added the word “spirit” to the first Beatitude of his own will. The purpose of this study is to identify whether these hypotheses can be supported. The main method is contextual analysis. The author concludes that the first hypothesis is doubtful, while the second is possible but not necessarily acceptable.

Keywords: poor in spirit, meek, humble, humility, meekness, poverty in spirit, Beatitudes, Sermon on the Mount, Christian moral teaching, Sacred Scripture.

Priest Pavel Lizgunov – Master of Theology, Postgraduate student at Moscow Theological Academy (Department of Theology), Assistant Dean for Education at Kursk Theological Seminary (lizgunov@gmail.com).